

ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ

Заметки с выставки Р. Хачатряна

Заслуженный художник Армянской ССР Рудольф Хачатрян с начала 70-х годов работает исключительно в области графики, преимущественно — в области портрета, а доминирует в галерее его портретов становится карандашный портрет. Здесь и начинается, собственно, этот интересный мастер,

ник напоминает нам о своих предшественниках? Чтобы доказать, что в третьей четверти XX века можно работать на уровне мастеров классики? Да, такая задача ставилась художником. Ему хотелось показать, что виртуозное мастерство, точность и поэтическое таинство штриха достижимы, если есть даро-

в сумме особое качество драгоценности, не так уж часто встречающееся в современном искусстве. Между тем потребность в красоте у сегодняшнего зрителя велика, успех работ художника во многом кроется именно в этом. Сделать работу красивой — это входит в круг задач, которые мастер поставил перед собой, содержание портретов Рудольфа Хачатряна раскрывается перед нами и потому, что они краси-

Портреты Рудольфа Хачатряна чрезвычайно точны по своим психологическим характеристикам. Иначе и быть не могло — когда ты изображаешь человека с предельной точностью, придавая его облику четкость мелкой отливки, ошибки недопустимы. Приблизительность невозможна при этом методе. Невозможно и лстить: все, что есть в характере и внешности человека, выдвигается под пристальным взглядом рисовальщика на первый план, и зритель может обсуждать концепцию данной личности, не только опираясь на красоту портрета и облика модели. Однако сквозь все красивое и уродливое, сквозь гармонически-миловидное и остроконтрастное проходит единая тенденция (это и есть авторский голос!) — придать своей модели особое благородство, выдать право на вечность, определить ее неповторимые достоинства.

Из одних из героев Рудольфа Хачатряна, даже самые пожилые из них, не находится «на склоне лет»

Воспроизводим работы художника Рудольфа Хачатряна:
«Портрет сына»,
«Ованес».

здесь он и говорит свое самостоятельное слово.

Огромная душевная привязанность к людям становится своего рода оправданием и смыслом творчества, художник отдает себя одной цели: он воздвигает своеобразным памятником окружающим его людям. «Герои Рудольфа Хачатряна» навеки запечатлеваются, «оттискиваются» в его рисунках, мы становимся причастны его размышлениям, опыт его сердца становится нашим опытом.

Такими, какие они есть, но в свете своей любви к ним — вот как стремится показать своих героев Рудольф Хачатрян. Любовь художника к модели материализуется, действительно «осещает» своим присутствием портреты. Поверхность листа, на которой возникает воздушно-легкий и одновременно аналитичный, тонкий облик, вся пронизана светом, светоносна. Поэтому и нет никаких деталей реального окружения, что люди возникают из этой светоносной среды. Артистизм штриха, едва уловимые глазом градиенты нажима карандаша как бы выводят человека из потока света на наше обозрение.

Бесконечные возможности, тающиеся в линии, в штрихе, на пространные чистого листа мастерски используются художником. Белый цвет на его работах никогда не воспринимается ни как бумага, ни как фон — это всегда олицетворение воздушного пространства, светоносной среды. При таком понимании обнаруживается практическая неисчерпаемость скупых средств рисунка — белый лист и грифель в руках мастера могут передать самые сложные чувства, самые богатые эмоции.

Проматривая карандашные портреты Рудольфа Хачатряна в хронологической последовательности, можно увидеть путь развития этой системы. Художник шел к освождению от деталей, к скупому ограничению средств, сведению изображения только к тому, что действительно важно. Именно через аскетизм, через решительный отказ от всего лишнего, он пришел к особой просветленности своих работ, к их духовной содержательности.

В карандашных портретах Рудольфа Хачатряна бросается в глаза одно нечастое в наши дни свойство — они принципиально, вполне осознанно, как говорится, «с открытым забралом» вступают в диалог с образами классического искусства, располагаясь в один ряд с карандашными и граверными портретами прошлого. Невольно возникает вопрос, с какой целью худож-

вание, школа и глаз.

Но не только в этом была задача. Рудольфу хотелось доказать, что не только он как художник может находиться в высоком ряду, но и его современники, люди наших дней, могут быть запечатлены как герои классического искусства.

Можно сказать, что творчество Рудольфа Хачатряна имеет многолетний аспект, но основные аспекты — доказать, что человеческая индивидуальность составляет основную пафос и смысл искусства. Доказать, что ценность человека — основной предмет искусства, и что методы его поэтизации и показа сегодня — те же, что и всегда. Цель преемственности нерасторжима.

С этим кругом задач связано одно свойство работ Рудольфа Хачатряна — они очень красивы. Деланность, прозрачная недоговоренность, точность в проработке деталей, плавность силуэтов создают

Он изображает людей всегда с чувством перспективы, будущего. Портреты детей и молодых людей переплетаются именно поэтому обладают таким обаянием — модели всматриваются в нас с ожиданием и надеждой, в их облике есть особая отзывчивость. И мы, зрители, относимся к ним, как к любимым литературным героям, мы начинаем «сочинять» для них биографию, вступаем с ними в живой диалог, хотим встречи с ними в реальной жизни.

Люди, изображенные им, держат нас в состоянии напряженного общения. Мы узнаем через них «другого», становимся причастны размышлениям, толканиям и заботам отличных от нас и похожих на нас людей. А научить понимать чужую жизнь и души — одна из высших функций искусства.

Нонна СТЕПАНЯН,
кандидат искусствоведения.

ХУДОЖНИК О ХУДОЖНИКЕ

«КАК» ЕСТЬ «КТО»

Открыта выставка двоих... Живописец и график. Она нравится, и не только — она дает пищу для размышлений, чем мы не очень избалованы, и требует своей оценки, но не по шкале успеваемости, а скорее как явление. Она свидетельствует не только об определенном качестве, но и о движении мысли.

Характер ее в ярком проявлении индивидуальности — может быть поэтому она держится немного особняком.

О ней нельзя говорить языком заготовок от искусства, развешивающих инвентарные номера: нужно находить какие-то новые емкости. Сравнения ненадежны и большей частью претенциозны.

Определения замыкаются на привычных представлениях терминологических схем и страшны своей однозначностью.

Слова «настоящий живописец» и «природный график» ничего не объясняют, ибо выражают или групповое мнение или общее, но временное толкование природы живописи и графики.

Трудно выразить то ощущение, которое получаешь от сложной колористической структуры, выставленной живописи или от изысканности «наивного» рисования. Трудно проникнуть в мир глубинной причинности и понять развитие образов, формирование языка, движение к стилю.

«Стиль — это человек» — знаменитая фраза позволяет угадывать многое близостью к художнику, но стоит ли делать из человека «экшн» ради сомнительного удовольствия познания. Желание расставить все знаки препинания и упорядочить явление может преждевременно расхолодить — во всем значительном должна оставаться какая-то тайна.

От чувства к мысли и дальше к руке путь трудный и коварный — кажущееся грандиозным и значительным становится мелким и банальным.

«Мысль изреченная есть ложь», — сказал Тютчев. Здесь речь идет не только о неизбежных потерях воплощения, но и о самоценности изначального, первопринципного. Богатство замысла часто растворяется преобразованием материала, расстраивается в процессе конкретизации.

Мера таланта еще и в способности художника доносить в чистоте и цельности свои замыслы до конечного результата.

Правда произведения — есть правда чувств, выраженных художником в материале, тот огонь, который доходит до нас из глубин сознания.

Мы говорим — «это настоящее, это органично, это подлинное» — выделяя из ряда то, где сохранена свежость и непосредственность ощущений, где рядом с мастерством бьется родник животворящего чувства.

На пути художника стоит много помех и искушений — это и сумма условностей, и общественные идеалы, и, даже, переизбыток информации. Все это неисповедимыми путями отражается на нашем языке, чаще всего убывая в нем внутреннюю свободу.

Ощущение внутренней правды и свободы, значительность мира переживаний, самостоятельность мышления — все это отличает работы двух художников.

Живопись богата не только своей колористической структурой — она многослойна в существе своем: здесь и конкретное ощущение природы, здесь и абстрагированное истолкование ее, здесь и может быть это самое важное, ощущение подземных толчков жизни, в ее протяженности и во времени. Деконкретизация вещного, реального приводит живописца к внутреннему обоснованной подвижности, избытку изображения; кристаллическое,

твердое становится у него чем-то дышащим, биологическим, предмет растворяется в пространстве, то сливаясь с ним, то выходя из него, происходит какое-то взаимодействие предметов и среды — а именно живет сразу в нескольких состояниях. Иногда, в процессе работы, его пейзажи напоминают нечто живое, дымящееся и пульсирующее, то вдруг это нечто останавливается в своем движении и погружается в сон, чтобы через какое-то время пробудиться в вулканической судороге, то, неожиданно, оно начинает претерпевать метаморфозы, меняя облик, сменяя понятия, превращаясь в предстательство — твердое плавится, воздух твердеет, весомое становится невесомым.

Принцип растворения предметного мира стал частью формы, языком, в котором звук первоощущений пробивается с силой и нерасчленен помахами эфира.

Достигается это не повествовательными приемами, а живым чувством материала, способностью не расплескать свои ощущения, создать внутри себя некий образ, требующий воплощения.

Графика, в отличие от живописи, более конкретна, но она острее наивным гротеском, ретроспективной ссылкой, и некоторые косноязычие рисования возвращает нечто подлинное, обреченное изощренной изысканностью.

Иллюстрации к произведениям русской классики дают представление не только о произведении, но в меньшей степени и о самом художнике. Ими он протыкивает дверь в какой-то собственный мир. Это мир духовной атмосферы, любимых вещей, симпатий, воспоминаний детства.

Удачи художника связаны с наибольшим сближением внутреннего мира и мира литературы. Первичность литературы в такой позиции является провоцирующим моментом — ассоциативный ряд, параллельная ситуация, прием отстранения — все это рождается в глубинах мысли и чувств, в глубинах памяти, рождается, а не конструируется.

Наверно, можно было бы упрекнуть графика в некотором рационализме его «наива», но попробуй-те умозрительно сконструировать такую наивность. Это не только трудно, но и невозможно, ибо за всякой подлинностью стоит глубокое эмоциональное переживание.

Соединение архаичных и новаторских тенденций вполне закономерно (это блестяще увидел Тютчев) и ведет к новому качеству — стыку, синтезу двух систем. И архаические элементы начинают жить новой жизнью, как мы это видим в иллюстрациях к Гоголю и Толстому. Это не новое прочтение текста — это новое осмысление формы, языка.

Выставка подводит нас к новой ступени художественной культуры и не только формальной, но и духовной. Одно из качеств ее не умозрительная усложненность, а ощущение, отбор. При намечающемся культе драгоценностей, имеющем склонность превратиться в очарование бижутерией, где имитация мысли и чувства достигла невероятных успехов, работы двух художников выгодно отличаются подлинностью чувств, живым наполнением мысли, внутренней правдой на слово.

Андрей Костина — графика и Теодора Тажика — живописца объединяет не только возраст и личные симпатии, но и нечто большее. Есть что-то стоящее над стилями и эпохами, системами и школами — общность настоящих художников. Волошин сказал: «творит не воля, а воображение...» — это с полным основанием относится к ним обоим и больше всего объединяет их.

Борис АЛИМОВ.

В ДОМЕ ХУДОЖНИКА

1 декабря — Клуб художников театра и кино. Кулаки продолжают жить. Вечер, посвященный творчеству художника Е. Т. Беклешовой — мастера мягкой мимикрующей куклы. Начало в 19.00.

4 декабря — Комиссия правления МОСХа по охране памятников ис-

тории и культуры. Средневековые памятники архитектуры Грузии.

Вечер зарисовок. Встреча с интересными людьми. Начало в 19.00.

6 декабря — Совместное заседание бюро секции критики и искусствознания с активом «Современное скандинавоведение. Новейшее искусство Финляндии». Начало в 18.30.

„Московский художник“
29.11.78г